

Л.А. Чупрыгина

Сегодня мальтийский язык представляет собой своего рода уникальное явление: сформировавшийся на основе разговорного арабского языка (при этом имея письменность, основанную на латинской графике), он – единственный из арабских разговорно-диалектных языков – не только приобрел статус государственного, но и является (после вступления Мальты в Евросоюз в 2004 году) единственным европейским языком арабского происхождения.

Статус мальтийского языка в классификации языков представляет особый интерес: дискуссия о том, является ли мальтийский язык диалектом арабского языка наряду с другими современными арабскими разговорно-диалектными языками (АРДЯ) или самостоятельным языком, завершилась совсем недавно (еще в 70-е годы прошлого века в СССР издавались учебники мальтийского диалекта арабского языка) в пользу последнего. Сам арабский язык, в свою очередь, представляет значимый объект исследования для типологического сопоставительного языкознания: в то время как в отношении большинства временных развитых и описанных языков актуальным является исследование диахронии и взаимовлияния литературной и разговорной форм языка, система арабского языка представляет собой своеобразный калейдоскоп, в рамках которого существуют арабский литературный язык (далее – АЛЯ) с его региональными вариантами, арабские разговорно-диалектные языки (далее – АРДЯ) и местные говоры – «кайнек», а в последнее время в связи с развитием интернет-блогосфера формируется самостоятельный компонент этой системы, получивший условное название «*lughat al-muthaqqaftin*» («язык интеллигенции») и «*al-lugha al-wustā*» («средний язык» (ряд исследователей предлагают более дробную классификацию) [Ma'tuq 2005: 89].

В течение длительного времени предметом исследования арабской грамматической традиции были только АЛЯ и его источник – классический арабский язык, многочисленные и отличные друг от друга разговорные варианты воспринимались лишь как искажение языка Корана. Европейское языкознание также ограничивалось изучением кодифицированного АЛЯ, не в последнюю очередь по причине отсутствия материала для исследования разговор-

(типов языков, языками которых были арабские диалекты, говорами и не имевших единой номинации в лингвоарабистике). Материал разговорно-диалектного континуума арабоговорящего региона стал активно вводиться в научный оборот во второй половине прошлого столетия и послужил базой для развития нового направления в изучении арабского языка – типологической лингвоарабистики, в которой российским арабистом Мишкуровым Э.Н. была впервые представлена в общем виде развернутая типологическая классификация арабского языка, включающая в себя описание как арабского литературного языка, так и разговорно-диалектных идиомов [Мишкуров 1985: 18]. Актуальность сопоставительных исследований обусловлена необходимостью типологической интерпретации арабского диалектного и литературного материала как функционально дополняющих друг друга генеалогически родственных, но структурно различных языковых систем, типологически разошедшихся на пути функционального развития. В контексте уточнения упомянутой типологической концепции изучение и научное описание фактов мальтийского языка, вытекающие из разговорно-диалектного арабского в самостоятельный язык, представляются интересным и перспективным.

Вопрос о происхождении современного мальтийского языка в разные исторические периоды решался по-разному: на протяжении 13-18 веков (периода византизации Мальты) в качестве обоснования «немусульманского» происхождения мальтийского языка в коллективном сознании мальтийцев последовательно культивировалась идея об отсутствии связи их культуры и языка с греческим миром; широкое распространение получила версия о восхождении мальтийского *Malti* (так называют свой язык жители двух населенных островов Мальтийского архипелага – Мальты и Гозо) к финикийскому, а точнее, карфагенско-пуническому языку. Однако исследования последних десятилетий доказали, что мальтийский язык начал формироваться в эпоху арабизации островов в результате изгнания арабами византийцев на основе разговорного сицилийского арабского (Siculo-Arabic).

Открытым, тем не менее, остается вопрос о границах исторического периода присутствия арабов на Мальте и, соответственно, времени формирования мальтийского языка: традиционно принято считать, что «мусульманский период» в истории островов продолжался 220 лет (1049-1270 г.г.), период же с 1049 до 1049 г.г., описывавшийся, вслед за аль-Химьяри, как *uninhabited ruin* («молодная пустыня»), соответственно, исключался. Однако мы придерживаемся

емся той точки зрения, что Мальта (а, возможно, и Гозо) были обитаемы и заселены арабами начиная с 870 г. и период формирования и развития арабского языка продолжался с 870 по 1270 г.г., то есть не 220, а 400 лет (что подтверждают также факты материальной культуры – фрагменты «сарацинской» керамики 10-11 веков, обнаруженные в окрестностях Мдина [Molinari, Cutajar 1999: 11]).

Вывод о том, что население архипелага в течение продолжавшегося 400 лет периода формирования национального языка говорило по-арабски, подтверждается данными настоящего исследования, выполненного в рамках со-поставительной ономастики: несмотря на то, что с середины 13 века (условной датой изгнания мусульман с островов принято считать 1224 год, однако их присутствие на островах продолжалось до последней трети того же столетия) мальтийский язык развивался изолированно не только от АЛЯ, но и от других АРД (в качестве своего рода «островного варианта» арабского разговорного языка в условиях доминирования языков европейских правящих элит, наиболее устойчивая лексика *Malti*, прежде всего слова, номинирующие основные понятия повседневной жизни, а также мировоззренческие и религиозные символы, в том числе имена собственные, демонстрируют высокую степень устойчивости их арабского происхождения).

Целью настоящей работы является показать как эта устойчивость проявляется в именах собственных на примере одной из подгрупп лексико-грамматического разряда имен собственных, а именно слов, обозначающих мальтийские фамилии.

Полное имя и фамилия в арабском языке традиционно включают в себя несколько элементов, а именно: KuNYat(un), 'iSM(un), NiSB(un) и NaSaB(un).

KuNYat(un) (ар. «прозвище, кличка») является составным именем (слогово-сочетанием, образующим генитивную конструкцию), включающим в себя империцательное ('iBN(u) – «сын», BiNT(u) – «дочь», 'aB(ū) – «отец», 'uMM(u) – «мать»), употребленное в сопряженном состоянии (в позиции первого члена генитивной конструкции), и имя собственное, употребленное в позиции второго члена генитивной конструкции, например 'iBNu l-HaTTāBi («сын Хаттаб», 'aBū KaRīM(in) («отец Карим»), 'uMM HāLiD(in) («мать Халида»); как правило, имеет оттенок значения «уважительности». Однако KuNYat(un) может употребляться и в метафорическом смысле, например, 'aBū l-GHaWLi (досл. «отец ужаса» – «сфинкс»), 'aBū LiHYat(in) («носящий бороду»).

В мальтийском языке арабское KuNYat(un), претерпев фонетические и семантикообразовательные трансформации, тем не менее легко узнаваемо в наиболее распространенных на островах архипелага именах и фамилиях, восходящих к 9-13 векам, а также в многочисленных топонимах, образованных от имен собственных.

Такие фамилии, как Buhagiar (от 'aBu HaGaR(in) – «каменистый, имеющий отношение к камню, возможно, владелец дома, построенного из камня»), Nnilltil ('aBu Sittin(a) – «имеющий в распоряжении (под началом) шестьдесят (возможно, голов скота или зависимых людей)», Buttigieg (от 'aBu DaGGaG(i) – «местный окружающим как имеющий во владении (распоряжении) большое количество кур» – примеры функционирования в мальтийском языке не только языковых единиц арабского языка типа KuNYat(un), но и его наиболее характерной синтаксической конструкции – «идафы», или генитивной конструкции. Аналогичным образом образована мальтийская фамилия Agius, восходящая к арабскому 'iBNu l-'aGūz(i) – «сын старой женщины».

Среди многочисленных мальтийских топонимов арабского происхождения самая группа также является производными от KuNYat(un): так, например, название парка Buzietta (Gardens) образовано от арабского 'aBū SiTTa(tin) – «имеющий в распоряжении шестерых»; название города BuGiBBa восходит к арабскому 'aBū GiBBa(in) – «носящий джиббу (национальную арабскую одежду с широкими рукавами)»; название города Burmarrad – 'aBū (r)MaRRāD (ар. 'aBū, «имеющий длинную щеку»).

'iSM(un) (ар. «имя») в значении «имя человека» в арабском языке может выражаться словами, соответствующими таким частям речи, как существительное, прилагательное, причастие и даже глагол (при том, что три последних частия речи субстантивируются): 'aMaL(un) – «надежда», DGaMiL(un) – «красивый», MaHMūD(un) – прославленный, YaZlD(u) – «(тот, который) превышает».

Практически не встречаясь среди мальтийских имен, арабские имена, тем не менее, ясно прослеживаются в мальтийских фамилиях, таких как Wardi (от ar. WaRDat(un) – «роза»), Zahra (от ar. ZaHRat(un) – «цветок»), Manara (от ar. MaNāR(un) – «маяк») и др., которые в арабском языке являются также именами собственными.

Реализация арабских 'iSM(un) и KuNYa(tun) в современном мальтийском языке после его девятисотлетнего развития в изоляции от арабского не только подтверждает арабское происхождение *Malti*, но и указывает на длительность

функционирования арабского языка на Мальте в период формирования языка ее населения. А эволюция мальтийского языка из разговорного арабского в самостоятельный язык, имеющий статус государственного, дает представление возможных путей развития наиболее крупных современных АРДЯ.

Литература

- Баранов Х.К. Большой арабско-русский словарь: В 2 т. 11-е изд. М: Живые языки, 2006. 456 с.
- Мишкуров Е.Н. Типология диалектного и литературного грамматического строя современного арабского языка. М., 1985. 53 с. (Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук).
- Al-Himyāri M. Al-Rawd Al-Mītār fi Habar Al-Aktār. Beirut: Muassasat Nāṣiḥat Li-Sakāfa, 1980.
- Ma'tūq, A. M. Nazariyat al-lughah al-thālithah, dirasah fi qadiyat al-lughah. 'Arabiyyah al-wustā. Beirut: Al-Markaz al-Thakāfi al-Arabi, Dār al-Baidā, 2005. 413 с.
- Molinari A., Cutajar N. Of Greeks and Arabs and of Feudal Knights. A preliminary archaeological exposure of Malta's perplexing Middle Ages. Malta: Malta Archaeological Review, 1999(3). P. 9-13.
- Pace J. F. The Evolution of Maltese Language. Malta: Maltese Studies, 1991.
- Wettinger Godfrey. The Arabs in Malta. Malta : Studies of its Heritage and History / ed. Mid-Med Bank : Malta, 1986. P. 87-104.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПЕРЕВОД

Выражение совета в английской коммуникативной культуре (на материале форума)

О.Ю. Амурская, А.И. Рахматулина

Национальная идентичность во многом формируется под влиянием особенностей национального коммуникативного поведения. Термин «коммуникативное поведение» впервые был использован И.А. Стерниным в 1989 г. в работе «О понятии коммуникативного поведения» и определялся как «совокупность норм и традиций общения народа» [Стернин 1989].

Национальные особенности коммуникативного поведения, с которыми мы опекаемся в межкультурном общении, представляют собой коллективные признаки народа, проявляющиеся в выборе и предпочтительности употребления тех или иных коммуникативных стратегий и средств коммуникации (как вербальных, так и невербальных), в результате чего вырабатывается национальный стиль коммуникации, или коммуникативный этностиль [Ларина 2005].

Разные типы культур, особенности социально-культурных отношений и ценностей определяют коммуникативное поведение представителей различных лингвокультур [Архипенкова 2006].

Одним из важнейших факторов, формирующих коммуникативное поведение, является вежливость, которая представляет собой национально-специфическую систему коммуникативных стратегий, нацеленных на эффективное бесконфликтное общение. Категория вежливости является тем системообразующим стержнем, который позволяет проследить логику поведения представителей разных лингвокультур. Различия в использовании стратегий вежливости отражаются на особенностях доминантных черт коммуникации [Ларина 2004; 2004].

В процессе общения используются два основных типа стратегий – стратегии отдаления (negative politeness strategies) и стратегии сближения (positive politeness strategies) [Brown & Levinson 1987]. По мнению исследователей (Ларина, Томахина, Стернин, Виссон), в результате регулярного использования стратегий отдаления, нацеленных на социальное дистанцирование, на соблюде-